

что табакерка принадлежит ему и что он хватился ее накануне, когда выбрался из той самой толпы. Он также заметил в толпе молодого джентльмена, весьма решительно прокладывавшего себе дорогу, и находящийся перед ним арестованный и есть этот молодой джентльмен.

- Мальчик, вы имеете о чем-нибудь спросить этого свидетеля? - сказал судья.

- Я не намерен унижаться, снисходя до беседы с ним, - ответил Плут.

- Вы ничего не имеете сказать?

- Слышите, их честь спрашивает, имеете ли вы что сказать? - повторил тюремщик, подталкивая локтем молчавшего Плута.

- Прошу прощения! - сказал Плут, с рассеянным видом поднимая глаза. - Это вы ко мне обращаетесь, милейший?

- Никогда я не видал такого прожженного молодого бродяги, ваша честь, - усмехаясь, заметил полисмен. - Хотите ли вы что-нибудь сказать, юнец?

- Нет, - ответил Плут, - не здесь, потому что эта лавочка не годится для правосудия, да к тому же сегодня утром мой адвокат завтракает с вице-президентом палаты общин. Но в другом месте я кое-что скажу, а также и он и мои многочисленные и почтенные знакомые, и тогда эти крючкотворы пожалуют, что родились на свет или что не приказали своим лакеям повесить их на гвоздь вместо шляпы, когда те отпустили их сегодня утром проделывать надо мной эти штуки. Я...

- Довольно! Приговорен к преданию суду. Уведите его, - перебил клерк.

- Идем! - сказал тюремщик.

- Иду, - ответил Плут, чистя ладонью свою шляпу, - Эй (обращаясь к судьям), нечего напускать на себя испуганный вид: я вам не окажу ни малейшего снисхождения, ни на полпенни! Вы за это заплатите, милейшие! Я бы ни за что не согласился быть на вашем месте. Я бы не вышел теперь на волю, даже если бы вы упали на колени и умоляли меня. Эй, ведите меня в тюрьму! Уведите меня!

Произнеся эти последние слова, Плут разрешил, чтобы его вытащили за шиворот, и, пока не очутился во дворе, грозил возбудить дело в парламенте, а затем весело и самодовольно ухмыльнулся в лицо полисмену.

Убедившись, что Даукинса заперли в маленькой одиночной камере, Ноэ быстрыми шагами направился туда, где оставил юного Бейтса. Здесь он дождался этого молодого джентльмена, который благоразумно избегал показываться на глаза, пока из укромного уголка тщательно не обозрел местность и не удостоверился, что никакая назойливая личность не выслеживает его нового друга.

Вдвоем они поспешили домой сообщить мистеру Феджину радостную весть, что Плут воздает должное полученному им воспитанию и завоевывает себе блестящую репутацию.

ГЛАВА XLIV

Для Нэнси настает время исполнить обещание, данное Роз Мэйли.
Она терпит неудачу

Как ни была искушена Нэнси во всех тонкостях искусства хитрить и притворяться, однако она не могла до конца скрыть того смятения, в которое ее поверг соделанный ею поступок. Она помнила, что и лукавый еврей и жестокий Сайкс посвящали ее в свои планы, которые оставались тайной для всех других, в полной уверенности, что она достойна доверия и стоит вне подозрений. Как ни гнусны были эти планы, какими отъявленными негодьями ни были люди, их замыслившие, и как ни велико было ее озлобление против Феджина, который вел ее шаг за шагом вниз и вниз, в бездну преступлений и отчаяния, откуда нет возврата, однако бывали минуты, когда она смягчалась даже по отношению к нему, опасаясь, как бы ее разоблачение не привело его к тем железным тискам, от которых он так долго ускользал, и как бы он не погиб - хотя такую участь он и заслужил - от ее руки.

Но подобные колебания духа не могли целиком оторвать ее от прежних товарищей и сообщников, хотя она и способна была сосредоточиться на одной цели и не уклоняться в сторону, невзирая ни на какие соображения. Ее опасения за Сайкса могли послужить более серьезным мотивом для отступления, пока еще не поздно, но она условилась, что ее тайну будут свято хранить, она не дала ни одной нити, которая помогла бы его найти; ради него она даже отказалась спастись от всех преступлений иммерзости, окружавших ее, - могла ли она сделать больше? Она решила.

Хотя ее душевная борьба и заканчивалась таким решением, но она начиналась снова и снова и не проходила бесследно. За эти несколько дней Нэнси похудела и побледнела. Иногда она никакого внимания не обращала на то,

что происходило вокруг, и не принимала участия к разговорам, тогда как прежде кричала бы громче всех. Иной раз она смеялась невесело и поднимала шум без причины и без толку. Иной раз - это нередко случалось минутой спустя - она сидела молчаливая и понурая, в раздумье опустив голову на руки, и те усилия, какие она делала, чтобы оживиться, красноречивее, чем эти признаки, говорили о том, что ей не по себе и мысли ее не имеют никакого отношения к тому, о чем толкуют ее товарищи.

Был воскресный вечер, и на ближней церкви колокол начал отбивать часы. Сайкс с евреем вели беседу, но теперь умолкли, прислушиваясь. Девушка, сидевшая, сгорбившись, на низкой скамье, подняла голову и тоже прислушалась. Одиннадцать.

- Час до полуночи, - сказал Сайкс, приподняв штору, чтобы посмотреть на улицу, и возвращаясь на свое место. - И к тому же темно и облачно. Славная ночь для работы.

- Ах! - вздохнул Феджин. - Как досадно, Билл, милый мой, что у нас никакой работы не припасено.

- На этот раз вы правы, - хмуро сказал Сайкс. - Досадно, потому что сейчас мне это пришлось бы по вкусу.

Феджин вздохнул и уныло покачал головой.

- Мы должны наверстать потерянное время, как только дела у нас наладятся, вот что я думаю, - заметил Сайкс.

- Правильно рассуждаете, милый мой, - ответил Феджин, осмелившись потрепать его по плечу. - Мне приятно вас слушать.

- Вам приятно! - воскликнул Сайкс. - Ну что ж, пусть так.

- Ха-ха-ха! - засмеялся Феджин, как будто это замечание его успокоило. - Сегодня вы опять такой, как прежде, Билл. Совсем такой же.

- А я себя не чувствую таким, когда вы кладете мне на плечо эти усохшие старые когти. Стало быть, уберите их, - сказал Сайкс, отталкивая руку еврея.

- Это вас волнует, Билл; походит на то, будто вас схватили? - сказал Феджин, решив не обижаться.

- Походит на то, будто меня сам черт схватил, - ответил Сайкс. - Не бывало еще человека с такой рожей, как у вас. Вот разве что у вашего отца была такая, а уж ему-то, наверно, подпаливают сейчас бороду, рыжую с проседью. Или, может быть, вы произошли прямо от черта, без всякого отца, - меня бы это ничуть не удивило.

На этот комплимент Феджин ничего не ответил, но, дернув Сайкса за рукав, указал пальцем на Нэнси, которая воспользовалась возникшим разговором, чтобы надеть шляпку, и теперь собралась выйти из комнаты.

- Эй! - крикнул Сайкс. - Нэнси! Куда это девка вздумала идти так поздно? - Недалеко.

- Это еще что за ответ? - сказал Сайкс. - Куда ты идешь?

- Говорю - недалеко.

- А я спрашиваю: куда? - закричал Сайкс. - Ты меня слышишь?

- Не знаю куда, - ответила девушка.

- Ну, так я знаю, - сказал Сайкс, не столько потому, что у него были веские причины не пускать ее, если бы она вздумала куда-нибудь пойти, сколько из упрямства, - Никуда!.. Сядь!

- Мне нездоровится. Я тебе уже говорила, - возразила девушка. - Я хочу подышать свежим воздухом.

- Высунь голову в окно, - ответил Сайкс.

- Мне этого мало, - сказала девушка. - Мне нужно подышать воздухом на улице.

- Обойдешься! - ответил Сайкс.

С этими словами он встал, запер дверь, вынул ключ и, сорвав у нее с головы шляпку, забросил ее на старый шкаф.

- Вот так, - сказал грабитель. - Теперь сиди смирно там, где сидела, слышишь?

- Шляпа-то меня не удержит, - сильно побледнев, сказала девушка. - Что с тобой, Билл? Да знаешь ли ты, что ты делаешь?

- Знаю ли я... О! - воскликнул Сайкс, поворачиваясь к Феджину. - Смотрите, она свихнулась, иначе она бы не посмела так со мной говорить.

- Ты меня доведешь до какого-нибудь отчаянного поступка, - пробормотала девушка, прижимая обе руки к груди, словно стараясь удержаться от бурного взрыва. - Отпусти, слышишь... сию же минуту... сию же секунду!

- Нет, - сказал Сайкс.

- Феджин, скажите ему, чтобы он меня отпустил. Пусть лучше отпустит. Для него же будет лучше. Слышишь ты меня? - топнув ногой, крикнула Нэнси.

- Слышу ли? - повторил Сайкс, поворачиваясь на стуле лицом к ней. - Если я еще минуту буду тебя слышать, собака вцепится тебе в горло так, что выдерет из глотки этот крикливый голос. Что это на тебя нашло, дрянь ты этакая?! Что на тебя нашло?

- Пусти меня, - очень настойчиво сказала девушка и, усевшись на пол перед дверью, добавила: - Билл, пусти меня! Ты не знаешь, что ты делаешь. Не знаешь... Только на один час... Пусти!.. Пусти...

- Пусть меня режут на куски, - воскликнул Сайкс, грубо схватив ее за плечо, - если у этой девки не буйное помешательство! Встань!

- Не встану, пока ты меня непустишь... пока непустишь... ни за что... ни за что!.. - завизжала девушка.

С минуту Сайкс смотрел на нее, подстерегая удобный момент, потом, внезапно скрутив ей руки, потащил ее, невзирая на сопротивление, в маленькую смежную комнату, где швырнул на стул, а сам уселся рядом на скамью, продолжая держать ее. Она то вырывалась, то умоляла, пока не пробило двенадцать, тогда, устав и выбившись из сил, она перестала настаивать на своем. Бросив ей предостережение, скрепленное многочисленными ругательствами, не пытайтесь больше выйти сегодня из дому, Сайкс предоставил ей успокаиваться на досуге и вернулся к Феджину.

- Вот так штука! - сказал взломщик, вытирая пот с лица. - Чертовски странная девка.

- Что и говорить, Билл... - задумчиво отозвался Феджин, - что и говорить.

- Как вы думаете, что это ей взбрело в голову уходить из дому ночью? - спросил Сайкс. - Послушайте, вы знаете ее лучше, чем я. Что это значит?

- Упрямство. Мне кажется, это женское упрямство, мой милый.

- Мне тоже так кажется, - проворчал Сайкс. - Я думал, что вышколил ее, но она такая же дрянь, какой была.

- Хуже, - задумчиво произнес Феджин. - Я никогда еще не видел, чтобы это с ней случалось из-за таких пустяков.

- Я тоже, - сказал Сайкс. - Я думаю, у нее еще бродит в крови эта лихорадка, а?

- Похоже на то.

- Если она еще раз примется за такие штуки, я ей сделаю маленькое кровопускание, не утруждая доктора, - сказал Сайкс.

Феджин выразительно кивнул, одобряя такой способ лечения.

- Она по целым дням, да и по ночам не отходила от меня, когда я лежал пластом, а вы, злое, волчье отродье, держались в стороне, - сказал Сайкс. - К тому же мы все время очень нуждались, и, я думаю, ее это мучило и раздражало, а от долгого сиденья здесь взаперти она, наверно, и сделалась такой беспокойной.

- Так оно и есть, мой милый, - шепотом ответил еврей. - Тише.

Как только он произнес эти слова, девушка вошла в комнату и села на прежнее место. Глаза у нее опухли и покраснели; она раскачивалась взад и вперед, встряхивала головой и вдруг расхохоталась.

- Ну вот, теперь она покатила по другой дорожке! - воскликнул Сайкс, с величайшим изумлением посмотрев на своего собеседника.

Феджин кивнул ему, чтобы он не обращал на нее внимания, и через несколько минут девушка пришла в себя. Шепнув Сайксу, что больше нечего опасаться нового припадка, Феджин взял шляпу и пожелал ему спокойной ночи. У двери он приостановился и, оглянувшись, спросил, не посветит ли ему кто-нибудь на темной лестнице.

- Посвети ему, - сказал Сайкс, набивавший трубку. - Жаль будет, если он свернет себе шею и разочарует любителей зрелищ. Проводи его со свечой.

Взяв свечу, Нэнси спустилась вслед за стариком по лестнице. Когда они вышли в коридор, он приложил палец к губам и, придвинувшись к девушке, спросил шепотом:

- Что случилось, Нэнси, милая?

- О чем вы говорите? - также тихо спросила девушка.

- О причине всего этого, - ответил Феджин. - Если о_н, - костлявым пальцем он указал вверх, - так жесток с тобой (ведь он скотина, Нэнс, грубая скотина), то почему же ты не...

- Ну? - сказала девушка, когда Феджин замолчал, почти касаясь губами ее уха и не сводя с нее глаз.

- Сейчас не будем говорить. Мы об этом еще потолкуем. Во мне ты имеешь друга, Нэнс, верного друга. У меня есть средства под рукой, надежные и безопасные. Если ты хочешь отомстить тем, кто обращается с тобой как с собакой - нет, хуже, чем с собакой, потому что ей он иной раз потакает, - приходи ко мне. Слышишь, приходи ко мне! Этот негодяй у тебя на один день, а меня ты давно знаешь, Нэнс.

- Я вас хорошо знаю, - отозвалась девушка без всякого волнения. - Спокойной ночи.

Она отшатнулась, когда Феджин хотел пожать ей руку, но снова твердым голосом пожелала ему спокойной ночи и, ответив на его прощальный взгляд многозначительным кивком, заперла за ним дверь.

Феджин направился к себе домой, погруженный в глубокие размышления. У него медленно и постепенно зарождалось подозрение - не только из-за сегодняшней сцены, хотя она и служила тому подтверждением, - подозрение, что Нэнси, измученная грубостью взломщика, решила завести себе нового друга. Перемена в ее обращении, частые отлучки из дому, некоторое равнодушие к интересам шайки, которой она когда-то была так предана, и в довершение - ее

неудержимое желание уйти в тот вечер в определенный час - все это делало правдоподобным его догадку и превращало ее, по крайней мере для него, чуть ли не в уверенность. Предмет этой новой любви не был одним из его подручных. Он мог оказаться ценным приобретением с такой помощницей, как Нэнси, и его следовало (так рассуждал Феджин) привлечь без промедления.

Нельзя было терять из виду и другой цели, еще более преступной. Сайксу слишком многое было известно, а его грубое издевательство раздражало Феджина ничуть не меньше оттого, что он это скрывал. Девушка должна прекрасно знать, что, если она его бросит, ей никогда не защитить себя от его ярости, и эта ярость несомненно обрушится на предмет ее нового увлечения, а это приведет к увечью, может быть и к смерти. "Стоит подговорить ее, - размышлял Феджин, - и весьма вероятно, что она согласится его отравить. Для этого женщины проделывали вещи и похуже. Исчезнет опасный негодяй, человек, которого я ненавижу, его место займет другой, а мое влияние на девушку, подкрепленное тем, что ее преступление мне известно, окажется безграничным".

Эти соображения промелькнули в голове Феджина за короткое время, пока он сидел в комнате грабителя, и, всецело занятый ими, он затем воспользовался представившимся случаем испытать девушку с помощью туманных намеков, брошенных при прощании. Она не удивилась, но притворилась, будто ей непонятен смысл его слов. Девушка все поняла. Об этом говорил при прощании ее взгляд. Но, может быть, она отшатнется от предложения лишить Сайкса жизни, а это была одна из главных целей, о которой надо было помнить. "Как усилить мое влияние на нее? - думал Феджин, плетясь домой. - Как мне добиться большей власти?"

Такие люди умеют изыскивать средства. Скажем, не вырывая у нее признания, он, Феджин, примется выслеживать, откроет предмет ее новой привязанности и, если она отвергнет его замысел, пригрозит рассказать обо всем Сайксу (которого она не на шутку боялась), - разве не обеспечит он себе ее согласия?

- Я этого добьюсь, - прошептал Феджин. - Тогда она не посмеет мне отказать. Ни за что, ни за что не посмеет. Я все обдумал. Средства под рукой и будут пущены в ход. Я еще до тебя доберусь!

Он бросил мрачный взгляд назад, сделал угрожающий жест, глядя в ту сторону, где оставил негодяя, более храброго, чем он сам, и пошел своей дорогой, теребя и туго закручивая костлявыми пальцами складки рваного плаща, словно руки его сокрушали ненавистного врага.

ГЛАВА XLV

Феджин дает Ноэ Клейполу секретное поручение

На следующее утро старик встал рано и с нетерпением ждал прихода своего нового сообщника, который с большим опозданием явился, наконец, и с жадностью набросился на завтрак.

- Болтер, - сказал Феджин, придвигая стул и усаживаясь против Мориса Болтера.

- Ну вот, я здесь, - отозвался Ноэ. - Что случилось? Не просите меня ни о чем, пока я не покончу с едой. Вот что у вас здесь плохо: никогда не хватает времени спокойно поесть.

- Разве вы не можете разговаривать и есть одновременно? - спросил Феджин, от всей души проклиная прожорливость своего любезного молодого друга.

- Ну что же, разговаривать я могу. У меня дело идет лучше, когда я разговариваю, - сказал Ноэ, отрезая чудовищный ломоть хлеба. - Где Шарлотт?

- Ушла, - ответил Феджин. - Я ее отослал утром с другой молодой женщиной, потому что хотел остаться с вами наедине.

- О! - сказал Ноэ. - Жаль, что вы не приказали ей сначала приготовить гренки с маслом. Ну ладно. Говорите. Вы мне не помешаете.

В самом деле, не было, казалось, большой опасности помешать ему чем бы то ни было, так как он уселся за стол с твердым намерением потрудиться на славу.

- Вчера вы хорошо поработали, мой милый, - сказал Феджин. - Превосходно. В первый же день шесть шиллингов девять с половиной пенсов. Вы сколотите себе состояние на облапошивании птенцов.

- Не забудьте прибавить к этому три пинтовые кружки и кувшин для молока, - сказал мистер Болтер.

- Да, да, мой милый. Что касается до кружек - это было здорово сделано, а кувшин - завидная работа.

- Мне кажется, очень неплохо для начинающего, - самодовольно заметил мистер Болтер. - Кружки я снял с изгороди, а кувшин стоял сам по себе у